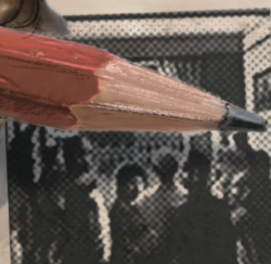
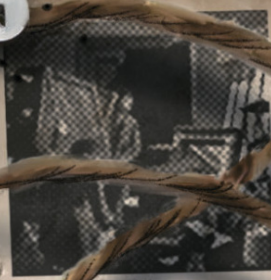

Жанна Вишневецкая

18+

КОММУНАЛЬНЫЕ
КОНФОРКИ

Люди, которые всегда со мной

Жанна Вишневская

Коммунальные конфорки

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Вишневская Ж. Ю.

Коммунальные конфорки / Ж. Ю. Вишневская — «Издательство АСТ», 2022 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-146493-6

Эта добрая, ироничная и немного грустная книга вернет читателей в коммунальные квартиры Питера шестидесятых-семидесятых годов прошлого столетия. За старыми дверями справляются дни рождения, человеческие и собачьи свадьбы, жители ссорятся, мирятся, делятся сплетнями и рецептами на общих кухнях. Соседи приезжают и уезжают, отправляются в отпуск и, к сожалению, даже умирают. Книга посвящена любимому городу и моей семье, от которой остались одни воспоминания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-146493-6

© Вишневская Ж. Ю., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая. Неожиданные последствия пребывания папы в застенках КВД	10
Глава вторая. Знал ли Майн Рид о средстве от блох, или Как обучить простую дворняжку кавалерийскому галопу	15
Глава третья. Что такое бархатный сезон, или Ихтиандр с улицы Воинова	19
Глава четвертая. Как правильно делать искусственное дыхание, или Есть ли разница между Эросом и Купидоном?	23
Глава пятая. Для чего пианисту Борису Шпилю был нужен длинный указательный палец, или Самый лучший из армян – это Робик Мхитарян	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жанна Вишневская

Коммунальные конфорки

© Жанна Вишневская, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

После всех скитаний по городам и странам у меня сохранилось очень немного дорогих сердцу мелочей, напоминающих о детстве, о любимом городе и о семье, в которой мне посчастливилось родиться и вырасти.

Одна из таких реликвий – мамина тетрадка, куда она и бабушка записывали рецепты и клеивали вырезки из газет и журналов с разными полезными советами по домоводству.

Как и любая радушная хозяйка, я люблю накрыть богатый стол, экспериментировать с продуктами и специями, чтобы удивить и порадовать гостей. Я не претендую на лавры Елены Молоховец, автора одной из первых кулинарных книг, но и у меня есть фирменное блюдо, которое привлекает на огонек как друзей и родственников, так и совершенно незнакомых людей. Оно известно всем, но каждый готовит, украшает и подает его гостям по-своему. Это сборная солянка. Я готовлю ее из совершенно не связанных друг с другом историй, которые мне удалось подслушать, подглядеть, запомнить, пересказать на свой лад и сложить вместе.

С удовольствием поделюсь этим рецептом.

Сначала размораживаете память. Тут надо запастись терпением и деликатностью. Нельзя торопиться – грубо откалывая и отбрасывая годы, можно в спешке потерять самое важное и дорогое, и солянка выйдет пресной, безвкусной. Медленно согревайте память теплотой своего сердца, перебирая старые фотографии, письма, семейные реликвии.

Затем в кастрюлю с размороженной памятью добавляете до краев любви, немного слез от болезней и утрат, горечь поражений, остроту чувства юмора, большую пригоршню доброты. Тщательно перемешиваете, доводите до готовности, разливаете по главам и предлагаете читателям.

Каждый воспримет книгу по-разному. У кого-то уже первая глава вызовет изжогу и несварение желудка, и он брезгливо выбросит остатки на помойку, другой проглотит целиком, даже не разобрав вкуса, а кто-то будет смаковать, тщательно разжевывая, и попросит добавки.

Надеюсь, что в этой книге собраны главы на любой вкус.

Поэтому я и назвала книгу «Коммунальные конфорки».

Приятного аппетита! То есть, простите, увлекательного чтения!

Пролог

Мои детские воспоминания похожи на банку засахарившегося варенья, закрытую пергаментной бумагой и перетянутую на горлышке суровой ниткой.

Бабушка хранила такие банки в стеклянном шкафу со странным названием «Хельга». Я разрывал веревку, потом, если позволяла длина, опять затягивал на ней узел. По количеству узелков можно было определить количество попыток. Свежее варенье выливалось легко, оставляя предательские капли на одежде, лице и даже полу. Засахарившееся надо было добывать ложкой или просто горстью, зато после него дольше оставалось сладкое послевкусие. Иногда варенье в банке прокисло или покрывалось плесенью, но все равно оставалось вареньем.

Так и память детства. Она, бывает, горчит, как стручки акации, из которых мы вынимали семечки и свистели так, что нас гоняли соседи, бывает с кислинкой, как цветок сирени из пяти лепестков, который мы жевали на счастье, бывает, вяжет рот, как ягоды черноплодной рябины, или быстро набивает оскомину, как кислая недозрелая вишня. И все-таки воспоминания остаются по-прежнему сладкими и теплыми, как липкие детские ладошки, следы которых так и не стерлись с зеленой бархатной обложки альбома с фотографиями, сохранившегося у меня с тех пор, когда наша семья жила в Ленинграде на улице Воинова, ныне Шпалерной.

Фотографии аккуратно вложены в специальные надрезы на страницах. Некоторые уголки оторвались, и снимки выпадают, оставляя блеклые пятна на страницах альбома, как пробелы в памяти, не позволяющие связать события и людей из моего далекого детства.

Этот альбом посвящен мне, начали его собирать мама, папа, бабушки и дедушки. Перебирать старые фотографии – это как просеивать солнце сквозь пальцы, как нюхать черемуху или сирень после дождя, как слизывать с ладони капли растаявшего пломбира.

На первой фотографии мой молодой папа, Александр Иванов, только что демобилизовавшийся из армии, в окружении загорелых однокурсников и однокурсниц из медицинского института. В заднем ряду, совершенно не в фокусе, размытое лицо девушки. Это моя мама – Верочка Липшиц. Как она рассказывала потом, папа ей сразу понравился, но заговорить первой она постеснялась. Папа же гордо хвастался, что первый подошел к маме под предлогом того, что она знала много запоминалок по анатомии. Поскольку устные запоминалки были только по анатомии, то по физиологии они довольно быстро перешли к практическим занятиям, да так успешно, что папе пришлось срочно, пока последствия занятий не стали видны, просить маминой руки у ее родителей и моих будущих ленинградских дедушки Миши и бабушки Гени, но в такие подробности в разговорах со мной не вдавались.

Дедушка Миша, боевой офицер, полный кавалер ордена Славы, кавалер ордена Красной Звезды, хоть и охотно выпил с папой водки под бабушкину закуску, но согласия сразу не дал. Пришлось подключиться маминему брату Сене и провести работу с дедушкой: мол, времена уже другие и будущий врач Саша Иванов прекрасно впишется в семью Липшицев. Тем более непонятно, кто тут выиграет, а кто проиграет: папа, который женитьбой на еврейке поставит большой жирный крест на партийной карьере, успешно начатой в армии, или мама, которой брак с русским слегка подправит пресловутый пятый пункт. Опять-таки, мои бабушка с дедушкой по папиной линии были медиками, значит, семья интеллигентная, что тоже немаловажно. Жили они в Риге: деда Осип работал хирургом в Рижском госпитале, а бабушка Серафима – там же медсестрой. Оба прошли войну от первого до последнего дня, что уж для деды Миши совсем святым было. Выслушав все аргументы и понаблюдав за утренними приступами тошноты у еврейской дочери, бабушка и дедушка согласились на русского зятя и ни разу об этом не пожалели.

Следующая фотография, датированная двадцать девятым июля, сделана в ЗАГСе на Петра Лаврова, ныне Фурштатской. Родители поженились в День Военно-Морского Флота. В

силу известных обстоятельств надо было поторапливаться. Папа потом хвастался, мол, регистраторшу убедил назначить церемонию на этот день тот факт, что жених служил на флоте. Хотя, наверное, больше способствовали двадцать пять рублей, переданные через знакомых заведующему дворцом бракосочетания.

На маме модное белое платье колоколом, в руках тяжелый букет гладиолусов. Немного растерянный папа поддерживает ее под руку. Рядом бабушки, дедушки, мамин брат Сеня с очередной пассией, имя которой он потом сам не мог вспомнить, бесконечная череда друзей, близких, дедушкиных однополчан. Родственник по дедушкиной линии, а также друг и сосед дядя Моня одной рукой держит за шкуру моего двоюродного брата Гришку, который, судя по зарезанному виду, уже успел за что-то огрести очередной подзатыльник.

Дальше фотографии свадебного застолья, справлявшегося по традиции дома, в комнате на Воинова.

С высоты четырехметровых потолков вниз смотрят лепные ангелочки. Они пока еще совсем одинаковые. Только через несколько лет струя скисшего черноплодного вина ударит, как из брандспойта, в одного из них, окрасив не только его лицо, но и душу в сивушные тона, за что он и будет прозван падшим ангелом. Однако именно ему, а не его чистым душой и телом, но безучастным собратьям, суждено будет стать хранителем историй нашей веселой и дружной семьи.

Перевернув страницу, я еле успеваю подхватить целый ворох фотографий. Их так много, что, наверное, их просто сложили в коричневый бумажный конверт, а он разошелся по швам, как старое платье, и снимки веером посыпались на стол. Один, медленно вращаясь, как кленовый лист, переворачивается и ложится на пол обратной стороной вверх. На нем дата – седьмое июля. День моего рождения. Бабушка Серафима и дед Осип узнали о событии у себя дома, в Риге. Это потом они приехали на Воинова, чтобы ревниво вырывать друг у друга беззаветно любимое орущее чадо. А пока они на фотографии радостно чокаются бокалами с шампанским в честь появления на свет первого и, как оказалось, единственного внука.

А дальше, как листки календаря, мелькают лица и события: Рига, Рижское взморье, куда меня привозили на лето. Я, как детскую считалку, повторяю: Дзинтари, Майори, Дубулты и, наконец, Яундубулты – место, где мы с моей дальней родственницей и самой близкой подругой детства Любашей сначала познакомились со старым Паулем и его двумя собаками, а потом умудрились потеряться в лесу, да так, что нас еле отыскивали поднятые по тревоге части Прибалтийского военного округа и местная милиция.

Много снимков любимого папой моря. Вот мы на берегу одесского лимана: в Очакове и в самой Одессе на фоне Дюка Ришелье и черной «Волги» дедушкиного знакомого, полковника Купатадзе. Вечно пьяный Васька Водолаз и его жена Клабочка, у которых мы снимали комнату в Очакове. Шумная торговка рыбой Песя Золотая Рыбка, обвешанная дешевым золотом, как цыганка с Привоза.

Ну и конечно, бесконечная череда ленинградских снимков. Улица Воинова, наша парадная, дворник Расул, опирающийся на дежурную метлу, у его ноги трется верная Двойра-Ханум, приبلудная дворняжка, пригретая татаринном-дворником, но получившая еврейское имя за вечно печальные глаза. На заднем плане мальчишки играют в ножички во дворе-колодце.

Почему-то среди фотографий вдруг попадается игральная карта, как напоминание о Сестрорецке, где мы снимали дачу и где я от восхода до заката искал приключений на свою голову вместе с Любашей и Гришкой.

Можно без конца переворачивать плотные альбомные страницы, всматриваться в родные до боли лица, вчитываться в даты, вспоминая связанные с ними события.

Для остроты ощущений я люблю листать альбом перед сном. Я дотрагиваюсь до детства кончиками пальцев, я вдыхаю его вместе с пыльными ворсинками бархатной обложки, я даже могу попробовать его на язык, облизнув обратную сторону отклеившейся марки с новогодней

открытки, которую прислали рижские бабушка и дедушка. От этого по всему телу разливается приятное убаюкивающее тепло, как будто меня в зимнюю морозную ночь укрыли пуховым одеялом. Это состояние между сном и явью, когда ты еще бодрствуешь, а какая-то часть тебя уже находится другом пространстве и времени – там, где ты был безмерно любим и счастлив. Веки наливаются тяжестью, стены и мебель вокруг начинают расплываться, постепенно стираются грани между настоящим и прошлым, и через густую пелену сонного марева все отчетливее проступают лица тех, кого уже давно нет с нами.

Глава первая. Неожиданные последствия пребывания папы в застенках КВД

Несмотря на то что я был единственным и беззаветно любимым сыном и внуком, излишней опекой взрослые мне не докучали. Даже бабушки и дедушки с определенного возраста позволяли мне гулять с друзьями с утра и до упаду, справедливо полагая, что это исключительно полезно для здоровья. Так что мальчик я был без комплексов, довольно боевой, умел за себя постоять и за словом в карман не лез. Сколько бабушка с мамой на дедушку и папу ни цыкали, голова моя была полна емких или, в дедушкиной интерпретации, ебких выражений, которые я, естественно, употреблял в самый неподходящий момент.

Я сам до сих пор не понимаю, делал ли я это по наивности или из мелкого хулиганства, ожидая бурной реакции взрослых. Дедушка Миша не знал удержу ни в радости, ни в гневе. Он хохотал до слез, если ему было смешно, и крушил все на своем пути, если его всерьез злили или обижали близких ему людей.

Семья у нас была достаточно простая, рабочая, постоять за себя могли все, включая даже маму, а уж про ее старшего брата Сеню и говорить нечего – он вообще драться научился прежде, чем ходить. Бабушка Геня рассказывала, что он терпеть не мог кашу и выбивал у нее из рук тарелку еще в бессознательном возрасте. Вслед за тарелкой последовали разбитые стекла в парадных и школьные окна. А уж про драки и говорить нечего: фингалов под глазами и даже сломанных костей было без счета по обе стороны баррикад. Зато никто и никогда не обижал его по национальному вопросу.

Только раз его обозвали жидовской мордой. В ответ Сеня так въехал обидчику по физиономии, что, невзирая на все старания травматолога, нос у того остался с характерной горбинкой, превратив абсолютно русского, но чернявого и смуглого от природы Колю Игнатова в типичного карикатурного еврея. И поскольку бьют, как известно, не по паспорту, а по морде, то Коле стало регулярно доставаться от дворовых антисемитов. Несчастный Игнатов во время расправ кричал, норовил спустить брюки и предъявить неоспоримые доказательства своей непринадлежности к еврейской нации, но со спущенными штанами всю жизнь не проходишь, а нос на виду. Даже в отделе кадров, когда он потом устраивался на режимный завод, сомневались и сто раз проверяли документы. Откуда им знать, кто скрывается за фамилией Игнатов? Так вот Коля и страдал всю жизнь, пока не смирился, плюнул и не уехал в Израиль, женившись на бывшей однокласснице. Вот что неосторожная детская драка с человеком сделала!

Кстати, для Сени то происшествие тоже не обошлось без последствий. Дело чуть не дошло до милиции, но вступился дедушка. Пришлось надеть ордена и проставиться всему отделению. Разобравшись с правоохранительными органами, деда Миша дома устроил сыну такой разбор полетов, что тот пожалел, что его не забрали в детскую комнату милиции. Дед и за меньшие провинности Сеньке спуска не давал и за каждое стекло или мелкую драку раскрашивал его задницу так, что тот долго не мог сидеть. Сеня даже рассказывал, что он, когда дедушку в очередной раз вызывали в школу, заранее подкладывал в штаны плотный картон, чтобы смягчить удары. Солдатский дедушкин ремень с гулом опускался на плоский от подложенного материала зад, Сенька фальшиво взвизгивал, а дедушка, посмеиваясь в усы, делал вид, будто ничего не замечает. После чего стороны расходились до следующей экзекуции вполне довольные друг дружкой, а спустя какое-то время история повторялась снова.

Надо ли говорить, что меня легкий на руку дедушка не трогал и пальцем, даже когда я этого точно заслуживал. А уж если кто-то случайно или, не приведи господь, с умыслом меня обижал, тут он вообще берегов не видел, и иногда случались совершенно курьезные истории.

Когда мне исполнилось года четыре, мама с папой решили отправить меня на летнюю смену в загородный садик от завода «Электросила». Садик был достаточно богатый и достать туда путевку было непросто. Для этого ребенок должен был несколько месяцев ходить в городской садик, но сработали, как ни странно, папины связи.

* * *

Что это были за связи – история отдельная. Папа очень долго не мог себя найти после института. Дело в том, что от природы он был скорее прирожденным администратором, чем врачом, его флотская выучка и жизненный опыт позволяли наладить практически любое разваленное хозяйство. Начинать он, как и мама, в поликлинике, но мгновенно вырос до начмеда и так построил регистраторш и медсестер, что его стали бояться больше главного. Тот, конечно, вынести это не смог и решил избавиться от потенциального претендента на свое место, по великому благу предложив папе должность заведующего КВД – кожно-венерологического диспансера. Дедушка на это сказал, что для солидности в названии явно не хватает буквы Н, но у папы есть шанс превратить славное медучреждение в образцово-показательную культурную точку, где будут собираться все сливки общества, пусть и слегка подпорченные неприличными болезнями.

Между прочим, должность действительно была хлебная. Можно было неплохо нажиться на незарегистрированном подпольном лечении гонореи и сифилиса, но папа, с его замашками неподкупного красного чекиста, был непоколебим. Более того, он создал на базе КВД научную лабораторию. Стоило ему пресечь расхищение агара, спирохеты принялись размножаться с невиданной скоростью, и папа вскоре стал главным поставщиком материала для многих медицинских и микробиологических научно-исследовательских учреждений. И если Шаудин и Гофман открыли спирохету, а Александр Флеминг разработал пенициллин, то Александр Иванов придумал, как размножать трепонем в геометрической прогрессии.

Возбудители галльской болезни, оказывается, нуждаются в нежнейшем уходе и не растут ни в тепле, ни в холоде. Этим тварей надо подкармливать кусочками говяжьих почек и помещать в щелочной агар при температуре ровно тридцать семь градусов, не выше и не ниже. Папу стали узнавать в мясном магазине и оставляли свежие почки. А вот дедушка, увидев невинный, даже не засеянный агар в домашнем холодильнике, пообещал папе отбить его собственные почки. Бабушка, обычно весьма миролюбивая, пообещала помочь.

Папа, несмотря на угрозы, не сдавался. Каждый вечер он совершал попытки разложиться на столе со своими пипетками, агарами и микроскопом. Напрасно он уверял, что это совершенно безопасно и его бледнолицые красавицы немедленно умирают от воздуха, его прогоняли на лестницу. Там он, пригорюнившись на подоконнике, пел своим бактериям колыбельную:

– Спирахета бедная, отчего ты бледная?

И не дождавшись реакции от безучастных к его ариям спирохет, сам за них отвечал:

– Оттого и бледная, потому что бедная!

Терпение домашних лопнуло окончательно после жалобы соседки на то, что, когда она, усталая, возвращалась с работы, папа участливо спросил:

– Что это вы, Валечка, как-то с лица взбляднули?

И несмотря на то, что папу как главного поставщика возбудительниц сифилиса знали и уважали в научных кругах и даже предлагали писать диссертацию на предмет размножения трепонем, семья настояла на немедленном увольнении с должности. Ему на смену пришла микробиолог Коровина. В полном соответствии с фамилией ей по душе был бруцеллез, и папины спирохеты, лишившись теплоты и понимания, захирели и сдохли.

Неунывающий папа устроился начмедом в санчасть завода «Электросила». Опыт работы с капризными спирохетами помог ему быстро дисциплинировать весь женсостав местного мед-

пункта, и он направил свою энергию на заводскую столовую. Санитарным врачом папа не был, но порядок уважал и часто без предупреждения заходил с проверкой в большой зал столовой, где на каждом столике стояла угрожающая табличка «Яйцами и пальцами в солонку не тыкать!».

Проверив чистоту столов, он шел на кухню. Там уже обычно были готовы – штормовое предупреждение «Иванов на горизонте» за допмаек подавала уборщица Клава.

Маневрируя с крейсерской скоростью среди плит и холодильников, папа сразу направлялся в подсобку, где благодаря невероятному чутью легко находил припрятанные сумки с ворованными продуктами. После серии очередных клятв, проклятий, выговоров и увольнений папа опять на некоторое время запирался в медпункте завода, приводя в порядок документы. Кстати, во время его пребывания у власти сильно сократилось количество пропусков по болезни. Все знали, что Иванов больничные по похмелью не выдает, подарков не принимает, а из особ женского пола предпочитает собственную жену.

Правда, однажды он сам обеспечил двоим работягам больничные листы. Эти двое не поделили бульки в «маленькой» в пятницу после работы. Слово за слово, перешли на личности, и дело уже принимало серьезный оборот, но неподалеку оказался доктор Иванов. Вспомнив свою флотскую юность, он легонько взял оппонентов за шкирку и свел лбами. А потом сам же и госпитализировал обоих с сотрясением мозга. Долго писал объяснительные, но свидетели нашлись, папу реабилитировали и даже наградили той самой путевкой на дачу от детского сада, о которой шла речь выше.

* * *

Трудно даже себе представить, что сказали бабушка и дедушка моему несчастному папе, когда он пришел с известием, что я на месяц вместо традиционной съемной дачи в Сестрорецке еду в летний детский садик от завода. Но, как ни странно, мама его поддержала, мотивируя решение тем, что мне необходимо общаться со сверстниками.

Родительский энтузиазм несколько поутих, когда меня привезли ранним утром к заводу «Электросила», где стояли пять готовых к отправке автобусов. Я не очень понимал, что происходит, но, когда меня взяла за руку чужая тетя и, уговаривая, повела к одному из стоящих «Икарусов», я обернулся и громко заревел.

Бабушка, которая увязалась с нами, наверное, не убивалась так, даже когда провожала дедушку на фронт. Деду Мишу, к счастью, на проводы не взяли, а то в это утро я остался бы сиротой. Мама, уже менее уверенно, уговаривала бабушку, что все будет хорошо. Папа же как-то растерялся и не к месту ляпнул, что, если что случится, нам сразу сообщат. После этого бабушка с ним вообще перестала разговаривать и по дороге обратно долго утирала слезы и сморкалась. Дома она долго о чем-то шепталась с дедушкой. Тот помолчал, посмотрел на часы, куда-то вышел, потом вернулся и приказал бабушке собираться: мол, завтра они уезжают в гости к его сослуживцу на дачу и больше под одной крышей с этими моральными уродами – тут он выразительно посмотрел на моих бедных родителей – он жить не желает.

То, что дача оказалась в остановке электрички от детского садика, куда меня сослали, никого не удивило.

Папа махнул рукой, а мама только обрадовалась такому «случайному» стечению обстоятельств.

Не спав всю ночь, на первой электричке бабушка с дедушкой рванули в выездной детский садик. Я по малолетству мало что помню, но в памяти навсегда запечатлелись стоящие в ряд у стены горшки, босые ноги на холодном кафельном полу и что-то склизкое в тарелке, от чего меня, по-моему, даже вырвало. Чемоданы и сумки еще не были распакованы, потому что, разумеется, никто не ждал нашествия родственников в первое же утро. Обычно все-таки даже

самых беспокойных родителей хватает дня на три-четыре. Это можно понять: многие из них затурканые работяги, а то и лимитчики, живущие в одной комнате с детьми, и поэтому они хотят элементарно насладиться простыми житейскими радостями. В результате мест в яслях через месяце девять обычно опять катастрофически начинает не хватать. Сезон, так сказать, нереста.

Ту картину маслом, которую увидели бабушка и дедушка, мне потом долго описывали. Счастье, что папа и мама не поехали с ними, а благоразумно остались в городе.

Еще не успели выкинуть в помойное ведро недоеденную и недоблеванную воспитанниками кашу, как на входе в столовую, в сопровождении возмущенно суетившейся нянечки, нарисовались бабушка с дедушкой. Они в волнении крутили головами, не узнавая любимого внука.

Я вскочил из-за стола и, как щенок, бросился в ноги к бабушке, вдыхая запах такого родного трикотажного платья. На мне красовались перекрученные колготки с биркой «Света Петрова», под которыми не было трусов, майка наизнанку и панамы с биркой то ли «Жора», то ли «Жопа».

Бабушка ахнула и покачнулась.

У дедушки заходили желваки под скулами. Он снял с меня панаму, щелчком стряхнул уже пригревшуюся в кудрях сытую вошь и тяжелыми шагами направился в сторону кабинета директора лагеря. За ним с воплями: «Куда! Нельзя!» и почему-то: «Скорую!» – бежал персонал садика.

Кричали и висли на дедушкиных руках вмиг протрезвевшие после празднования начала смены воспитательницы, раздобревшие на ворованных харчах нянечки и работницы общепита.

Дедушка поступью командора шел в сторону кабинета директора садика, которую звали, как и положено, Анна. Был еще порох в пороховницах у майора танковых войск в отставке!

Одним ударом деда Миша выбил дверь.

Полудетая Анна сидела на коленях местного жеребца, а по совместительству завхоза Юры Куперштейна, и обсуждала смету на будущий месяц.

Дедушка тяжело посмотрел на обоих, подошел и одним движением нахлобучил то ли Жорину, то ли Жопину панаму на мигмом вспотевшую лысину Куперштейна.

Из-за его спины испуганно кудахтал персонал.

Растолкав всех, со мной на руках, влетела бабушка:

– Миша, не убивай его! Тебя посадят, и внук будет тебя стесняться!

Внук как клещ, вцепившийся в бабушкины плечи и уже грызший яблоко, готов был боготворить дедушку, что бы он ни сделал с Куперштейном, Анной, да хоть со всеми остальными работниками детского садика.

Дедушка опомнился и подозрительно вежливо спросил, что надо подписать, чтобы забрать внука сейчас же?

Некоторые слова из его речи я не понял – что-то про сучья, которые почему-то были драные, наверное, зайцы с них объели кору. Бабушка ойкнула и закрыла мне уши, но дедушке не возразила.

Зато слившиеся в объятиях Анна с завхозом поняли все прекрасно. Толстомыкая директорша неожиданно бабочкой слетела с колен вмиг потерявшего мужскую силу Куперштейна, и процесс подписания документов прошел скорее в дружественной обстановке.

Сразу нашелся мой чемоданчик, с меня содрали облепленные кашей многострадальные колготки Светы Петровой и переделали в штатское.

Нянечки, которые терпеть не могли зажавшегося наглому завхозу, отнесли к дедушке, как население оккупированных территорий к солдату-освободителю: напоили компотом из сухофруктов, наспех сделали на дорогу бутерброды из припрятанного сыра и масла и долго махали вслед руками.

Я ехал домой в электричке, надежно охраняемый с двух сторон моими дорогими бабушкой и дедушкой.

* * *

Решили выйти в Сестрорецке, прогуляться и заодно поинтересоваться, не сдана ли наша веранда на проспекте Коммунаров.

Рядом с вокзалом стоял желтый кинотеатр «Прожектор». На афише были нарисованы разноцветные листья кленов и мальчишка с красками в руках.

– Сказ-ка про чу-жи-е крас-ки, – громко по слогам прочитал я и вопросительно посмотрел на дедушку.

Дедушка и бабушка вообще мало в чем мне отказывали, а в этот день я мог просить все что угодно.

Через пятнадцать минут я сидел в кресле кинотеатра и смотрел мультфильм про человечков-осенников, которые разрисовывают листья кленов в разные цвета, и про мальчика Кузьму, который украл краски у одного осенника, из-за чего один клен остался зеленым. А потом Кузьма стал сам рисовать прекрасные картины. Все не уставали восхищаться, но когда произведения Кузьмы оказались на выставке, то с изображенных на полотне кленов слетели листья, потому что они были написаны ворованными красками.

С тех пор зеленые листья клена в осеннем лесу вызывают у меня жалость и желание взять палитру, превратиться в человечка-осенника и покрасить листья клена-одиночки, такого беспомощного в своем неуместном наряде. Он напоминает мне Золушку, не успевшую сбежать с бала до полуночи и теперь смущенно стоящую под презрительными взглядами расфуфыренных сестер. Зеленый и гордый, клен будет безнадежно ждать своего человечка, пока, наконец, холодный ветер не сорвет с него так и не пожелтевшие листья и не избавит от страданий до следующей весны, когда на несколько месяцев, до осени, он снова станет таким же, как и все.

Глава вторая. Знал ли Майн Рид о средстве от блох, или Как обучить простую дворянку кавалерийскому галопу

В нашей семье все любили читать. Мама доставала по благу редкие издания, выписывала журналы, а то, что не могли достать, брали в библиотеке. Вот и меня приохотили к чтению с ранних лет. Книги я проглатывал одну за одной, причем читал все без разбора и где угодно – в том числе, конечно же, в туалете, под одеялом с фонариком, даже почему-то в шкафу, зарывшись в ворох одежды.

Сначала родители пытались проводить ревизию того, что я читаю, потом махнули рукой, решив, что пусть лучше я узнаю о некоторых сторонах жизни из книг, чем в подворотне. Хотя вскоре нашлось очень простое решение, позволявшее не подпускать меня к некоторым книгам раньше времени. Книжного шкафа у нас не было, зато папа с дедушкой купили обычные полки, поставили их одна на другую, прибили к стене и получился самодельный стеллаж. На нижние полки поместили детские книги, чуть выше стояли Конан Дойль, Майн Рид и Вальтер Скотт. Под самым потолком падшему ангелу, которого так и не удалось отмыть от настойки из черноплодной рябины, доверили охранять от моих посягательств Куприна, Мопассана, Бальзака и Бунина. Такой вот родительский контроль прошлого века. Никто не делал зарубки на двери, чтобы измерить мой рост, – и так было все понятно: раз дотянулся до новой полки – значит, прибавил двадцать пять сантиметров. Так и говорили: вытянулся за лето на полполки. На то, что я мог подставить стул, закрывали глаза, впрочем, высокой стремянки, позволяющей дотянуться до Мопассана, в доме не было. Пришлось ждать, пока подрасту, потому что высокорослый Гришка читать не любил, и для его целей, которыми он не делился даже со мной, вполне хватало атласа по анатомии или наглядного пособия по акушерству и гинекологии.

Многие книги из родительской библиотеки мне сохранить не удалось, а вот оранжевый шеститомник Майн Рида до сих пор стоит на полке. Много лет спустя, став взрослым, я как-то открыл шестой том, где «Всадник без головы», и нашел написанный маминим почерком рецепт быстрого и эффективного избавления от блох. С безголовым всадником и блохами связана целая история.

* * *

Началось все с того, что однажды я покрылся сыпью.

Обычно на мои ссадины и царапины внимания обращали мало. Я и сам был порезоустойчивый и по пустякам домой не бегал, прекрасно зная, что царапины достаточно залепить подорожником, а укусы насекомых смазать слюной. Только однажды потребовалась помощь: тугая дверь подъезда ударила меня по лицу, сломав нос и выбив несколько зубов – к счастью, молочных. Маму чуть инфаркт не хватил, когда она увидела мое залитое кровью лицо. Нос, кстати, так кривоватый и остался. А в прочих случаях все обычно заживало как на собаке.

Но в тот раз с волдырями все испугались не на шутку. Сначала мама обратила внимание на мои ноги, а когда раздела, то ахнула. Мой зад и ляжки были покрыты многочисленными прыщами, которые к тому же нещадно чесались. Я, естественно, все раздирал в кровь, от этого волдыри сочились и нарывали.

Неделю вся семья говорила исключительно о цвете и размере прыщей. А дедушка, как истинный военный, даже набросал топографическую карту и обозначил объекты на местности. Каждый вечер на столе расстилалась чистая обеденная скатерть, меня клали на живот

и рассматривали под лупой мою прыщелосную задницу. Деда Миша тщательно сверялся со схемой, вносил изменения с зашифрованными комментариями. А поскольку прыщи в боевых документах Советской армии не учитывались, то он по старой привычке применял условные обозначения бронетехники: незрелые прыщи помечались как танки, самый спелый, готовый лопнуть, с уважением назывался «танк командира батальона», а уже прорвавшийся и сочившийся – «огнеметный танк». Если на прыщ накладывали мазь, то он наносился на карту моей попы как «боевая точка с комплексом противотанковых средств». Что пометил дедушка знаком БМП с минным тралом, он и сам не помнил, но на всякий случай не удалял. Через неделю по его схеме можно было проводить занятия по военной подготовке.

Наконец маме эти ежевечерние игры в войну надоели, и при поддержке бабушки меня повели к известному профессору дерматологу (или к «дермотологу», как уточнил дедушка). Записаться на прием маме удалось через знакомых.

Деда Миша предложил взять с собой тщательно подготовленную схему, но мама отказалась, сославшись на то, что профессор штатский и может не понять шифровки, а время приема слишком ограничено, чтобы заниматься ликбезом. Тогда дедушка предложил найти специалиста в Военно-медицинской академии. Тут резко вмешалась обычно миролюбивая бабушка, сказав, что если дедушка так скучает по казарме, то пусть сначала пойдет в наряд на кухню – чистить картошку, а заодно помоеет пол на вверенном ему объекте. Видимо, генеральский тон дедушку убедил, и он покорно вышел. Скоро из кухни раздался стук кастрюль и веселый голос бабушки:

Полюбила я танкиста, только раз ему дала.
Всю неделю сиси мыла и соляркою сса...!

Бабушка закатила глаза и захлопнула дверь. Папа немедленно вызвался помочь бабушке, и уже скоро оттуда раздался заразительный смех и грохот упавшей посуды.

...Дерматолог восседал в положенном по статусу кресле из натуральной кожи, как царь на троне. Он был такой важный, что даже не удосужился встать, когда мы вошли. Пренебрежительным кивком головы он указал бабушке и маме на стулья и, прикрыв глаза, приготовился внимать. Мама с дрожью в голосе поведала доктору мои симптомы. Потом бабушка, почему-то даже встав, долго рассказывала, как после появления сыпи она перемыла весь дом, перекипятила все постельное белье и стала покупать для меня продукты только на рынке. Дерматолог, не открывая глаз, одобрительно тряс бульдожьей мордой. Мама и бабушка умолкли и переглянулись в ожидании вердикта.

Морда дерматолога по-прежнему оставалась безучастной ко всему происходящему. Тогда и я решил внести свою лепту и, так сказать, разбудить спящую собаку.

Недолго думая, я громко ляпнул:

– А может, доктор, меня клопы или тараканы покусали?

Дерматолог очнулся, зато чуть не грохнулась в обморок баба Геня. Такого позора она вынести не могла! Какие тараканы?! В ее дом даже муха не залетала, ведь в такой чистоте нечем было поживиться!

Мама одернула меня, но было поздно.

Дерматолог открыл утонувшие в щеках глаза и от этого еще больше стал похож на бульдога. Впрочем, он неожиданно заулыбался и даже встал. Предложил мне залезть на кушетку и спустить штаны. Бросив беглый взгляд на мой пятнистый зад, напоминающий гигантскую божью коровку, он спросил:

– У вас животные в доме есть? Вашего мальчишка, уж простите, дамы, блохи покусали!

Вы представляете, что означает сказать еврейской бабушке, что у нее блохастый внук? Тут может понадобится не дерматолог, а реаниматолог! Ее спешно посадили, поднесли стакан воды и ватку с нашатырем.

Пока бабушка приходила в себя, мама смущенно оправдывалась, что в доме животных нет. Из меха есть только бабушкина шуба, но она на лето пересыпается нафталином и не кусается.

А вот я сразу догадался, откуда на мне блошинные укусы и почему на столь интимном месте, но благо разумно помалкивал.

За месяц до этого знаменательного похода к кожнику я наконец дорос до Майн Рида. Первым мне в руки попал «Всадник без головы». Поскольку из сверстников я читал больше всех и язык у меня был подвешен очень неплохо, то, помимо обычных мальчишеских дворовых развлечений, мы играли в пересказанные мной сюжеты из книг, хоть были они в вольной интерпретации, с некоторыми отступлениями от текста. Для игры во всадников самое главное было раздобыть лошадь. Проблему головы мы решили оставить на потом. На улице Воинова, сами понимаете, лошади не паслись. В последний раз пост конных юнкеров был выставлен на нашей улице (тогда еще Шпалерной) в вечер революции, но ни лошади, ни юнкера с поставленной задачей тогда не справились. Ближайшая каменная лошадь была в Летнем саду, но туда нас не пускали.

Пришлось обойтись подручными средствами. Крашеная деревянная лошадка мало походила на дикого мустанга Кастро. И тут во дворе нарисовалась Двойра-Ханум со своей свитой. Двойра была крупной упитанной собакой и вполне могла сойти за пони или недоношенного жеребенка. Ее поклонник, соседский овчар, подошел бы больше, но он к себе никого не подпускал. Двойра же и так была добрейшей собакой, а уж за кусок колбасы она разрешала нам делать все что угодно. Она покорно согласилась стать лошадью Мориса Джеральда. Правда, ей тяжело давался кавалерийский галоп, и она постоянно останавливалась, то лихорадочно вгрызаясь в собственный бок, то присаживаясь по нужде. В качестве попоны мы набрасывали на нее коврик для вытирания ног, а уздечкой служил дедушкин брючный ремень. Вместо стремян перебрасывали через спину папин эспандер и вставляли ноги в кольца для кистей рук.

Мне трудно сказать, водились ли блохи на диких лошадях в прериях и были ли покусаны попы Мориса-мустангера или Генри Пойндекстера, но на Двойре, как и на любой дворовой Жучке, блох было предостаточно. Проблема отсутствия головы у всадника решилась автоматически, потому что в реальности нормально соображающей башки ни у одного из нас не было. В результате мы просто садились на Двойру-мустангершу, которая в награду за оказанную честь радостно делилась с нами своими многочисленными блохами.

Вот эту историю про мой полуголый зад, восседающий на дворовой собаке, изображающей дикую лошадь, и пришлось рассказать в кабинете дерматолога, когда меня все-таки начали подробно расспрашивать. Тут нашатырь понадобился уже маме. Зато кожник хохотал во всю свою бульдожью пасть и даже похвалил меня за находчивость. Мы расстались практически друзьями, доктор поделился с нами рецептом для моей попы и рекомендациями для Расула, как лечить Двойру.

Дома все это пришлось повторить на бис дедушке и папе. После некоторых разборок, слез, клятв, взаимных упреков, поцелуев, беззастенчивого хохота и перекладывания вины друг на друга деда Миша взял бутылку водки и смесь для выведения блох и отправился в дворницкую. Как там некошерный еврей собирался брататься с непьющим мусульманином, было не очень понятно, но через какое-то время из подвала донеслась молодецкая русская песня:

– Степь да степь кругом....

Видимо, ничего ближе по тематике к прериям им в голову не пришло. Дуэт нещадно фальшивил, но выводил рулады громко – встреча, судя по всему, проходила в теплой и дружественной обстановке.

Тихая Гульнар мазала лекарственной болтушкой спину опозоренной Двойры, и они шептались о своем, о женском.

* * *

А тем временем на город спустились густые сумерки. Лучи солнца отразились в окнах верхних этажей и погасли. Даже в самые длинные и светлые июньские ночи в нашем дворе-колодце было темно и сыро. Почти каждый год Нева, гонимая западным ветром, перехлестывала через каменные парапеты и заливала подвалы прилегающих к набережной улиц. Большая серая крыса бесшумно вылезла из-за мусорного бака и села на ступеньки. Она ничего и никого не боялась. Крыса была для этого слишком стара и мудра. Ее прапрапрабабка вела за собой стаю по Шлиссельбургскому тракту к мельницам блокадного Ленинграда. Их давили танками, пытались в них стрелять, но они упорно шли к цели. Крысы были организованны, умны и жестоки.

Старая крыса тоже научилась выживать и теперь по праву была вожаком стаи. Она всегда первой чуяла, когда приближалось наводнение. Подняв усатую морду, крыса посмотрела вверх. В окнах квартир горел свет, там было тепло и сытно. Но это было жилище чужаков, ее дом был внизу: в пропитанных невской водой подвалах и таинственных катакомбах большого города. Крыса постояла на крыльце еще мгновение и скользнула в узкий лаз, ее длинный хвост прошуршал по ступенькам, и снова стало тихо.

Глава третья. Что такое бархатный сезон, или Ихтиандр с улицы Воинова

Бабушка и дедушка выросли в традиционно больших еврейских семьях, у каждого было по пять братьев и сестер. Мой бедный папа терялся и путался в многочисленных маминых двоюродных братьях и сестрах. Очень часто их еще и звали одинаково, поэтому, говоря о ком-то из родни, обычно уточняли, чей именно это сын или дочка. Так, бабушка могла часами разговаривать по телефону с Любой Бориной или встретиться на Пестеля с Любой Галиной. А еще я очень долго думал, что Зина Картавая – это имя и фамилия. А на самом деле это прозвище приклеилось к милейшей и интеллигентной бабушкиной знакомой, страдавшей, увы, дефектом речи. Бедная Зина, сама того не желая и даже иногда не подозревая, являлась источником совершенно неожиданных словечек и целых выражений, которые пополняли из без того богатый дедушкин лексикон и передавались из уст в уста, превращаясь в крылатые фразы.

Так, туалет превратился из «интимного пространства» в «интимное пространство», все сказки начинались не словами «давным-давно», а «говным-говно», ну а верхом всего был знаменитый ленинградский поребрик, который благодаря косноязычию Зины к безграничной радости дедушки превратился в поеблик.

Дедушка готовился к приходу Зины заранее, из укромного места извлекалась специальная записная книжка. Зина, видя, что дедушка надевает очки и достает ручку, смущалась и картавила еще больше, и под общий хохот рождалась очередная цитата:

– Во’оны ка’кали и низко летали над землей.

Кто только не приходил и не жил у нас на Воинова! Многочисленные родственники, знакомые, друзья семьи и родственники друзей семьи. Возможно даже, что бабушка и дедушка не всех из них знали, но в силу гостеприимного характера никому не отказывали.

Посетив Ленинград, обогащенные впечатлениями от прикосновения к культурным ценностям и бабушкиными заготовками гости и родственники разъезжались по местам прописки. При этом некоторые, кисло приглашая к себе в гости, не оставляли правильного адреса и телефона.

После одного неудачного эксперимента, закончившегося ночевкой на вокзале в Вильнюсе, папа с мамой предпочитали или брать путевки, или даже жить на съемных квартирах дикарями, но ни от кого не зависеть.

В этом году они засобирались в Пицунду с друзьями. Отпуск пришелся на сентябрь, и в доме впервые прозвучало таинственное словосочетание «бархатный сезон».

Мне почему-то сразу представилось бабушкино панбархатное выходное платье. Я любил забираться с игрушечным биноклем в шкаф-рубку и становиться капитаном, ведущим корабль в штормовом море навстречу практически неминуемой гибели. Над головой раскачивались тяжелые иссиня-черные мягкие складки, которые в зависимости от игры моего воображения были то бурными волнами, то грозowymi тучами. Если прищурить глаза и долго вглядываться между створками шкафа, можно было увидеть в зеркале отражение хрустальной люстры, которое по форме напоминало никогда не заходящий Южный Крест. Если зажгли свет, значит, на горизонте скоро должен появиться долгожданный берег, скажем Кейптаун или Мельбурн, и можно будет наконец оставить капитанскую рубку и отправляться ужинать на камбуз, где бравого моряка ждут сырники или ленивые вареники со сметаной и вареньем.

На самом же деле бархатный сезон, который раньше приходился на весну, назван так вовсе не из-за темноты южной ночи, а в честь наплыва самой богатой и уважаемой публики после дешевого ситцевого и относительно фешенебельного шелкового сезона. Но мне до сих пор ближе моя версия о бархате густых сумерек. С годами воображение перелицева-

бархатное платье в плотно запахнутый плащ Казановы, темная южная ночь превратилась в нашу версию венецианского маскарада с теми же элементами таинственности и порока, где обольстители местного разлива и залетные гастролеры обычно играют по заранее известным правилам. Все они под покровом южной ночи становятся или неженатыми, или находящимися в процессе развода, улики в виде обручальных колец оставляются дома под предлогом того, что их можно потерять в море или что на юге слишком жарко.

Мои же родители совершенно искренне стремились проводить отпуск вместе. Их можно было понять – все-таки им приходилось делить комнату в коммуналке со старшим и младшим поколениями. И хоть на ночь кровать мамы с папой деликатно отгораживалась ширмой, любой выезд за пределы дома превращался для них в медовый месяц.

Подготовка к отпуску всегда начиналась загодя, причем сборы папы и мамы были разные. Папа брал плавки, даже две пары, шорты и сандалии. И, с чувством выполненного долга, гордо, по-гагарински объявлял о своей полной готовности.

– И все? – ехидно спрашивала мама.

Он только пожимал плечами, искренне не понимая, зачем надо брать как минимум пять-шесть платьев, туфли на каблуках, без каблучков, с открытым и закрытым верхом, несколько шляпок на все случаи жизни, купальники, сарафаны, юбки, брюки и прочие ненужные с мужской точки зрения аксессуары.

Впрочем, он помалкивал, понимая, что сборы доставляют маме удовольствие и что наряжаться она планирует не для кого-нибудь, а для него.

Потом папа вытаскивал с антресолей маску, ласты, резиновую лодку, которую надувал посередине комнаты, чтобы проверить, не прохудилась ли за зиму и не проткнули ли ее лыжными палками. Если раздавался характерный свист, означающий, что где-то есть дырочка, то он клеивал ее резиновой заплаткой непонятного мне происхождения и напоминающей воздушный шарик, пересыпанный тальком. Называл он это изделием завода номер два. Я однажды нашел целую упаковку этих изделий у папы в тумбочке и попытался надуть. За этим занятием меня застала бабушка и вечером устроила смущенным маме и папе страшный разнос под ехидные комментарии дедушки, что не видать мне ни сестрички, ни братика. Почему – я понял только через много лет.

Итак, помимо лодки с противозачаточными заплатками, которую дедушка непонятно называл «гондоной», папа проверял маску и ласты. Он даже дал мне попробовать подышать через трубку, но поскольку нос у меня, как всегда, был забит соплями, я немедленно начал задыхаться и пускать пузыри. Пока я синел и булькал в тазике с водой, в комнату зашел дедушка, сорвал с меня маску и обозвал папу гусем лапчатым.

Папа не обиделся, надел ласты и маску и стал показывать мне, как правильно заходить в воду спиной. В этом наряде он был похож на Ихтиандра. Дедушка пошел жаловаться маме на кухню. Застал он ее за чисткой рыбы, занятием крайне трудоемким и неопрятным. Мама была и так раздражена, так что, особо не раздумывая, всучила папе мешок с рыбной чешуей и, не дав даже натянуть спортивные штаны, выставила за дверь его выбросить, благо ведро для пищевых отходов стояло всего пролетом ниже. Провинившийся папа послушно пошлепал в ластах по ступенькам.

И надо же, что именно в этот момент по темной лестнице поднималась приятельница семьи по имени Сима и с угрожающей фамилией Нашатырь. Полуголый, пахнущий сырой рыбой, правильно, но неуместно экипированный папа не знал, что правильнее сказать в сложившейся ситуации: то ли здравствуйте, то ли извините.

И поскольку на нем была маска, то он гундосо просипел что-то голосом, каким в дальнейшем переводчики, чтобы не быть узванными, дублировали запрещенные фильмы, для верности нацепив прищепку на нос. Эффект был ошеломляющий. Только отрезвляющая фамилия спасла Симу от обморока при встрече с крупным представителем земноводных.

Наверху же ее ждали с нетерпением, потому что она несла папе с мамой дефицитные путевки на турбазу «Ленэнерго». Мои родители там еще никогда не были, и, судя по цене, которую запросила напуганная Нашатыриха, им должны были предоставить отдельные хоромы со всеми удобствами, видом на море и трехразовым питанием. Путевки на турбазу по тем временам очень ценились: они решали вопросы жилья и питания.

* * *

На деле база своими узкими бревенчатыми бараками, теснящимися друг к другу, скорее напоминала лагерь. В узкой, как кишка, темной комнате стояли две солдатские кровати с продавленными сетками и сиротской прикроватной тумбочкой, обгрызенной то ли голодными туристами, то ли крысами. Белье давали серое, застиранное, в подозрительных пятнах, но по меркам дикарей, которые спали вообще без белья и мылись прямо в море, это, таки да, были хоромы. Удобства во дворе никого не смущали, это было в порядке вещей. А самым главным считалось двухразовое питание: не надо было выстаивать бесконечную очередь в местной столовой, драться за обляпанный жиром поднос и в обмен на рубль получать красную бурду с нескромным названием «харчо» и котлету домашнюю с добавлением мяса и с таким количеством перца, что ее потом было не заглушить литрами местного молодого вина с собачьим названием «Псоу». Так, во всяком случае, оправдывались по утрам курортники перед женами, потому что вино это пилось как вода, но встать после полбутылки было уже невозможно. Совершенно трезвая и ясная голова приказывала ногам идти, а те упрямо или совсем не слушались, либо шли в совершенно противоположную сторону на поиски приключений на свою же голову и на ту часть тела, из которой те самые ноги росли.

В столовой «Ленэнерго» кормили хорошо, даже разнообразно, и царил там повар по имени Гоги. Был он черен, носат и волосат, как положено истинному грузину. И, как всякий южанин, он любил женщин. В каждом заезде у него была дама сердца, которая ежегодно доставала путевку всеми доступными средствами, чтобы потом все оставшиеся одиннадцать месяцев вспоминать Гогины восточные манеры, сладкие витиеватые комплименты и, видимо, что-то еще, что давало заряд бодрости тусклыми вечерами, в перерывах между уроками с детьми, стиркой и обслуживанием мужа, приросшего к дивану с пивом. Таких Гог на юге было много.

Недаром в ходу была довольно унижительная песенка, которую, кажется, даже приписывают Визбору:

Мелкий дождик из-за тучки
Брызнет по полям.
Едут беленькие сучки
К черным кобелям.

К маме это, конечно, не относилось, однако, как любая женщина, она любила комплименты и кокетничала, хотя лишнего никогда себе не позволяла. Папа все равно ревновал, но, по-моему, просто чтобы сделать маме приятное.

Дедушка же при виде кучи разноцветных тряпок ворчал, что все бабы одинаковые и у них одно на уме.

* * *

Кстати, вещи у мамы были уникальные. Была у нее тетка, тоже Вера, только повыше ростом. Их так и звали – Вера Большая и Вера Маленькая. Так вот, Вера Большая была моде-

льер от бога. Сейчас она могла бы стать дизайнером мирового уровня. Вера Большая брала кусок ткани и без выкроек резала ножницами, потом шила на живую нитку и набрасывала полуготовый наряд на заказчицу. Все вещи сидели как влитые, полные клиентки становились стройными, где надо становилось выпукло, где не надо – впукло. Она кроила на глазок, почти не снимая мерок. Потом строчила на машинке, и швы у нее выходили фирменные. Позже она даже научилась шить джинсы – пришивала бирку, и, вуаля, ничем не хуже западных и уж точно лучше польских и индийских. Самой большой проблемой было раздобыть отрез, потому что в магазинах лежали ткани в основном солдатских или попугайчьих расцветок с какими-то дикими аляповатыми цветами или пролетарской символикой. Ну правда, кому хочется купальник или плавки с изображением серпа и молота?

Если удавалось достать, то из эластичного трикотажа Вера даже шила плавки. Дедушка, как всегда, ехидничал, что покупают отрезы для обрезов, на что папа гордо возражал, что к нему это не относится. Уже потом, через много лет, мой совершенно русский папа, став знатоком еврейской истории, решился на священный обряд, который обычно проводят на восьмой день после рождения мальчика. Много позже, после долгих колебаний и сомнений, на это решился и я, в дань памяти многотысячной истории моего народа. Лучше поздно, чем никогда. Впрочем, даже праотец Авраам, согласно Библии, совершил обрезание в возрасте девяноста девяти лет, поэтому я надеялся, что и мне зачтется. Крайнюю же плоть моего недоношенного и еле живого после тяжелых родов сына обрезали, как положено, на восьмой день, принеся в жертву часть, чтобы спасти целое. А когда спасли, то по еврейской традиции дали два имени: Миха – в честь еврейского дедушки Миши, и Иосиф – в честь абсолютно русского дедушки Осипа.

Глава четвертая. Как правильно делать искусственное дыхание, или Есть ли разница между Эросом и Купидоном?

Ехать отдыхать мои родители должны были со своими друзьями, Олей и Толей. Оля была вертлявая, немного косоглазая, причем косила в основном в сторону чужих мужей. Толя старательно не замечал или, по крайней мере, делал вид, что не замечает. Он был большой умница, интеллектual с искрометным чувством юмора. Папе тоже было что сказать, поэтому их диалоги превращались в остроумную пикировку, на которую можно было легко продавать билеты и, возможно, даже окупить всю поездку.

Рядом с базой «Ленэнерго» было два пляжа: общий, слегка облагороженный парой облупленных скамеек и благоухающим неподалеку общественным туалетом, и дикий, известный только местной публике и туристам, возвращающимся ежесезонно, как перелетные птицы, на одно и то же насиженное, а точнее, належанное место.

На общем было шумно. Торговцы чурчелой нанизывали ее на нитки, перекидывали через плечо, чтобы гроздь висела на их загорелых торсах, как патронташи. Женщины, все в черном, будто в вечном трауре, разносили вареную кукурузу, густо посыпанную солью, с каплюющим на песок растопленным сливочным маслом. На каменной набережной сидели джигиты, взглядами шлифуя шелушащиеся красные тела курортниц, смачно цокая языками вслед очередной даме с формами и без, отчего даже самые добродетельные матери семейств начинали активнее вращать сдобными бедрами и поправлять лопающийся на груди лифчик.

Дикий пляж был поменьше, расположен чуть в отдалении и интересен в первую очередь для любителей подводного плавания среди скал. Его-то родители и облюбовали: пусть каменистый, зато народу меньше и можно спокойно понырять и почитать, не отвлекаясь на местное население, раздающее дешевые комплименты даром, а молодое «Псоу» и кислую «Хванчкару» – за деньги.

* * *

Папа потом и сам не мог понять, что его дернуло в то утро, но он решил напугать маму, которая расположилась на каменистом пляже, нацепив на нос кусок газеты с многообещающими словами: «...хуй товарища», что в оригинале было частью невинной передовицы о шахтерах «Подстрахуй товарища в его нелегком труде».

Папа надел ласты, маску и, повернувшись обтянутым трикотажем задом к морю, зашлепал к воде. Фигура у него была совершенно великолепная. Оля, делая вид, что увлечена повестью из журнала «Нева», уже рисковала получить не временное, а перманентное косоглазие. Мама, казалось, ничего не замечала.

Папа, прощально взмахнув рукой, нырнул, и над его головой плотно сомкнулось Черное море. Вода сначала закипела, как кастрюля с картошкой, а потом ее как будто выключили, и через несколько булек наступил полный штиль.

Мама продолжала читать журнал. Через некоторое время она посмотрела на море, потом перевела взгляд на Толю, который зачем-то подошел к воде и тоже напряженно всматривался в лазурную гладь. Над головами орали бакланы, вдалеке гудел как улей общий пляж. Но на этом маленьком отрезке суши стояла мертвая тишина. Волны ласкали гальку. Шаловливо откатывались, опять протягивали мокрые щупальца, затаскивая мелкие камешки и шлифуя те, которые оставались лежать на берегу.

Мама в тревоге вскочила на ноги и дрожащим голосом позвала папу. Море презрительно шлепнуло в ответ очередную волну и с достоинством откатилось.

Мама, приложив ладонь к глазам, пыталась рассмотреть хоть какие-то признаки жизни на безмолвной глади, но так ничего и не увидела. И тогда она заметалась. На ее отчаянные крики слетелись не только чайки, но и обгоревшие пляжники.

Кто-то с трагическими интонациями в голосе стал рассказывать, что в этом же месте в прошлом году утонул чемпион мира по плаванию и про какие-то подводные течения. Другой умник добавил, что даже если найдут тело, то перевезти утопленника будет невозможно без специального разрешения.

При этих словах мама рухнула на гальку в полубессознательном состоянии.

* * *

А папа и правда ничего не слышал – он ставил рекорды по подводному плаванию.

Вдохнув полную грудь воздуха, он плыл под водой больше минуты. Затем на секунду поднимался, как кит, на поверхность, чтобы через трубку вдохнуть немного воздуха, и уходил опять на глубину.

Выплыв минут через двадцать у дальних скал, он снял ласты и направился уже по берегу к месту, где оставил маму в компании Оли и Толи. И тут он услышал крики о помощи, со всех сторон бежали люди. На берегу лежала без движения женщина в знакомом до боли купальнике и, кажется, уже не шевелилась, а над ней склонились скорбные отдыхающие, и кто-то уже пытался делать искусственное дыхание.

Папа похолодел. Побросав наловленных в камнях крабов, в три прыжка очутился у тела.

На подкашивающихся ногах он приблизился к лежащей на гальке маме.

Какой-то дочерна загорелый южанин излишне рьяно делал дыхание рот в рот и массаж сердца. При этом он, видимо, полагал, что сердце находится и справа, и слева, потому что его ладони покоились сразу на обеих маминых грудях. Отшвырнув спасителя, папа склонился над телом и белыми от ужаса губами прошептал мамино имя.

То ли помогли реанимационные мероприятия усатого добровольца, то ли мамино подсознание уловило почти беззвучный шепот, но она открыла мутные от слез глаза и уставилась на полумертвого от ужаса папу. И тут она завывала и вцепилась в его тогда еще кудрявые волосы.

Бедный мой папа даже не почувствовал боли, он решил, что его любимая Верочка от долгого пребывания под водой лишилась рассудка, и диким голосом завопил:

– Скорую!

Не дожидаясь, пока кто-то добежит до телефона и наберет «ноль три», он схватил маму на руки и дикими прыжками понесся в сторону дороги по огромным мокрым прибрежным валунам.

Мама отбивалась и кричала что-то про то, как папа утонул и она его бросилась спасать, как русалочка – принца из сказки Андерсена.

Папа, услышав, что его называли принцем, ускорился. И тут его нога соскользнула, и он полетел вперед. Поскольку руки у него были заняты мамой, он со всей дури саданулся лбом об острый угол камня.

Падение отрезвило обоих.

Папино лицо немедленно залилось кровью. Ткнув пальцем в лоб, чтобы проверить глубину раны, промахнувшись и не почувствовав дна, он не нашел ничего умнее, чем спросить:

– Мозг виден? – и рухнул в обморок.

Мама в очередной раз осела рядом.

Немедленно подскочил южанин и привычно приладил руки на маминых грудях. Но тут, к счастью, подоспела скорая. Погрузили незадачливых утопленников и понеслись в город. В

пути разобрались, кто утопленник, а кто спасающий, причем мама пришла в себя настолько, что сказала папе, что если бы он не упал, то она бы ему голову сама проломила.

По дороге подобрали роженицу и мальчика с переломом ноги и наконец причалили к дверям местной больнички. Ввалились в мрачный приемный покой, как с поля боя: папа с окровавленным полотенцем на голове и плачущим мальчиком в руках и полуголая мама, поддерживающая роженицу, которая то и дело принималась голосить.

Их встретил фельдшер со следами вчерашнего веселья на лице, повел мутными глазами справа налево и, сумев наконец сконцентрировать взгляд в одной точке, выдал на голубом пьяном глазу:

Налево нас – рать, направо нас – рать
Е... – битвою мать Россия спасена!

Для папы это было лучше любого обезболивающего.

Ну, роженицу – в больничку, мальчика – в гипс.

Папе лоб зашивали, как матрас, через край, мама бы лучше заштопала.

А фельдшер только приговаривал:

– Ничего, мужик! Голова болит – жопе легче.

Причем было непонятно, чьей жопе, потому что в той же комнате маялся мужик с геморроем, и главное было внимательно следить, чтобы небрезгливый фельдшер, обрабатывая папину рану и воспаленный геморрой, хотя бы сполоснул руки между процедурами.

Пока вернулись обратно на базу, спустились густые сумерки.

* * *

Где-то высоко, на седьмом небе, ругались греческий Эрос и римский Купидон. На самом деле разницы между ними большой не было, но они никак не могли выяснить, кто же из них главнее. Каждый вечер они устраивали соревнования по созданию уникального аромата южной ночи.

Сегодня была очередь Эроса. Он считал себя более чувственным и опытным. В этот раз Эрос добавил к благоуханию моря запах сырой рыбы, немного женских духов с унижительным названием «Может быть», душок гниющих водорослей и запах шашлыка. Немного подумав, плеснул несколько капель сока перезрелых персиков и кипарисового масла.

Эрос последнее время был недоволен собой: он никак не мог угадать с запахом магнолии. Несколько лишних капель настолько дурманили головы, что люди теряли всякий стыд и сливались в объятиях, даже толком не познакомившись. Потом Эросу доставалось от Высшего суда за последствия южных оргий. Купидон хихикал, а Эрос злился и уменьшал дозу. Ночи переставали быть ароматными, объятия становились пресными, разговоры скучными, и разочарованные пары расходились еще до полуночи.

Сегодня Эрос опять задумался над цветочным букетом. Может, чуть-чуть вербены? Пары, обнявшись, чинно сидели на скамейках, ожидая вечерней порции дурмана.

Наконец Эрос решил. Капнул вербены, немного мака, потом решил, что пересластил, и добавил запах апельсинового сада. Цикады уже трещали без умолку, заглушая плеск вечерней волны. Эрос вновь взялся за флакон с магнолией – еще только одну каплю! Но рука его дрогнула, он пролил лишнего, южная ночь мгновенно наполнилась пьянящим ароматом, и пары слились в страстных поцелуях. Эрос досадливо крикнул и столкнулся с ухмылкой рассеявшегося на облаке Купидона. Что-либо исправлять сегодня было поздно. Скоро с моря подует свежий бриз и запахи растают в прибрежном тумане. Днем ночные ароматы кажутся крайне неуместными и просто неприличными, как густые сладкие духи на невинной девушке. Эрос

прикрыл усталые глаза, выключил луну и уснул. Торжествующий Купидон примостился рядом. Их время кончилось. Над Черным морем занималась заря. Чувственные запахи южной ночи сменял целомудренный аромат утра.

Глава пятая. Для чего пианисту Борису Шпилю был нужен длинный указательный палец, или Самый лучший из армян – это Робик Мхитарян

Наша квартира закрывалась, только когда никого не было дома. В остальное время дверь была слегка приоткрыта, только набрасывалась цепочка. Свет, всегда горевший на кухне, просачивался через эту щель на лестничную площадку с двумя квартирами. Входная дверь вела прямо на кухню, поэтому запахи бабушкиной стряпни можно было уловить еще в подворотне, которая соединяла улицы Чайковского и Воинова. Даже для Двойры с ухажерами ставилась миска с хрящиками, а уж любого человека, переступавшего порог квартиры, сначала кормили, а потом уже спрашивали имя-отчество. Нередко оказывалось, что прохожие просто ошиблись парадной, но расставались уже друзьями, обменявшись адресами и обещаниями приехать еще.

Надо ли говорить, что дедушкины однополчане были частыми и желанными гостями в нашем доме. После войны старались не теряться, часто списывались, так что по праздникам открытки и телеграммы слетались со всех концов Советского Союза. Более интернациональной семьи, чем наша, было и не придумать. Вы бы видели столы, которые накрывались в нашем доме, когда собирались однополчане с женами! Узбекский плов, грузинский шашлык, армянский коньяк, сибирские пельмени, украинские галушки и многое другое. Что там ВДНХ! Вот где была выставка достижений кухонного хозяйства! Всех объединяла настоящая дружба, испытанная войной, лагерями, голодом и страданиями.

В тот день за столом, накрытым красной клеенкой, сидели три друга: майор танковых войск Михаил Липшиц, полковник Иван Рябоконт и подполковник Роберт Мхитарян.

Они ели бабушкину фирменную фаршированную рыбу и форшмак, закусывали украинским салом, запивали горилкой и коньяком. Если бы не зарубежные гастроли, к ним присоединился бы знаменитый пианист Борис Шпиль.

Свела и развела этих людей война. Но послевоенная жизнь все расставила на свои места, и сейчас они сидели за одним столом пьяные и счастливые, хотя все могло быть и по-другому.

Правда, за этим столом не хватало главного человека – фельдшера Василия Савельевича Кравченко, но его уже давно не было в живых, а похоронен он был далеко под Псковом. Я там не был и знаю об этом только по рассказам, но говорят, что его желанием было – быть похороненным в той деревне, где он проработал фельдшером всю жизнь, откуда ушел на фронт и куда вернулся после войны. Его дети разъехались по всей стране, жена тоже умерла, но ее похоронили в Выборге, где жил старший сын Кравченко, тоже Василий. Дедушка все горевал, что тот в Псковской области одинокий заросший мхом крест на погосте, поклониться некому, а человеку столько людей жизнью обязано, не на одну деревню хватит.

* * *

Историю чудесного спасения Робика Мхитаряна дедушка рассказывал мне много раз, и каждый раз она обростала все новыми подробностями.

Был апрель, конец войны, сорок пятый год. Дедушка со своим танковым подразделением стоял в каком-то маленьком немецком городке. Хоть в воздухе уже всюду пахло победой, бои по-прежнему шли кровопролитные, немец сопротивлялся как мог.

В том же городке стоял пехотный полк, которым командовал тогда полковник Рябоконт, и был у него в штабе адъютант Робик Мхитарян. Всю войну вместе – начинал Рябоконт майором, вояка был отменный, дослужился до полковника, а Робика своего никому не отдавал, он как

талисман при нем был. Поговаривали даже, что берег его, сам на передовую, а Робика в штаб с пакетом, но это клевета, честный был мужик, бойцов своих жалел, всех сынками называл. Это дедушка у него перенял. И еще веселый был очень, Робика все дразнить любил. Присказка у него была: «Самый глупый из армян – это Робик Мхитарян!» А потом обнимет его и засмеется.

А Робик и сам весельчаком был. Статный, бравый – уж очень его женский пол любил, от поварих до телефонисток.

Придет, бывало, под утро в землянку, Рябокось приподнимется на койке и качает головой:

– Эх! Самый ебкий из армян – это Робик Мхитарян!

И опять все смеются.

И вот однажды стоял Рябокось у разрушенного, отбитого у немцев здания, с ним еще солдаты и Робик рядом.

И тут из разбитого окна – выстрел.

Никто и ахнуть не успел, а Робик метнулся и Рябокось прикрыл. Вздогнул, оседать начал, и кровь из груди толчками по гимнастерке. По дому сразу очередями прошлись, и тихо стало. Стоят и смотрят.

На земле – Робик, Рябокось склонился над ним и кажется ему, что все, потому что глаза у Робика уже внутрь смотрят, и видит он то, что другие не видят.

Рябокось китель скинул, рубаху нижнюю на себе рвет, зажать пытается рану под сердцем.

Тут фельдшер Кравченко подскочил. Разрезал гимнастерку на Робике и понимает, что все – конец. Пулевое отверстие точнехонько между ребер прошло, и кровь даже не льется, а толчками пульсирует из раны.

Рябокось трясет Робика:

– Ну, Робик, ну! Не смей! Самый сильный из армян – это Робик Мхитарян!

Кравченко смотрит на рану, поворачивается и вдруг кричит в толпу непонятное:

– Руки вверх!!!

Все машинально руки вверх подняли, а ближе всех стоял бывший выпускник консерватории по классу рояля Боря Шпиль.

Хватает его Кравченко за руку, смотрит на длинные пальцы бывшего пианиста, а ныне рядового, выхватывает бинт, быстро наматывает на палец, силой пригибает руку ошалевшего Бори к Робике и орет:

– Затыкай!

– Чем?! – перепуганно переспрашивает интеллигент в пятом колене Боря Шпиль.

Ну чем русский мужик может предложить заткнуть рану, если состояние и раны, и мужика критическое?

Кравченко громко обнародовал чем, а на деле точно воткнул палец Шпиля в пулевое отверстие и надавил сверху.

Ох, не зря до войны Боря полторы октавы брал – как по писаному палец в отверстие вошел.

Тут и санитары подоспели.

Кравченко орет:

– Не вынимай палец!

А Борис уже и сам сообразил, переложили их вместе на носилки. Крови в Робике чуть осталось, а жизнь все-таки теплится. Так и доставили в полевой госпиталь в позе – музыкант сверху с пальцем в ране.

Ну что? Надо на стол, а палец нельзя вытаскивать.

Рябокось чуть не с наганом к военврачу. Тот на войне еще не такое видел, а у сестрички – глаза с блюдца. Дали наркоз, хирург вокруг Бориного пальца рану обработал и говорит:

– Давай я расширять начну, а ты прижимай, вытаскивай только по моей команде. – И шутит еще: – Может, и тебе наркоз дать?

Шпиль только головой помотал. В туалет надо бы, а нельзя.

Аккуратно, чтобы не порезать, расширяет хирург рану и видит, что пуля под самым сердцем прошла, перикард задела, а длинный музыкальный палец Шпиля рану таки прижал, не дал развиться тампонаде. Вот ведь сообразил Кравченко! Снаружи такое бы не придавить. Захлебнулось бы сердце кровью и остановилось.

Так, потихоньку сдвигая палец, заштопали. Кровь перелили, еле-еле, но живет Мхитарян!

Рябокоть от операционной ни на шаг не отошел.

Хирург вышел и только руками развел:

– Я такого не видел за всю войну! Фельдшеру спасибо говорите!

И надо же было случиться, что на обратном пути машина Рябокотня подорвалась на mine.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.